

Sobinnikova, Valentina Ivanovna

О некоторых безличных предложениях и переходных от личных к безличным : (на материале деловых памятников XVII-XVIII вв.)

In: *Otázky slovanské syntaxe. II, Sborník symposia "Strukturní typy slovanské věty a jejich vývoj"*, Brno 20.-22.10.1966. Bauer, Jaroslav (editor).
Vyd. 1. Brno: Universita J.E. Purkyně, 1968, pp. 359-363

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/120095>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

О НЕКОТОРЫХ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ И ПЕРЕХОДНЫХ ОТ ЛИЧНЫХ К БЕЗЛИЧНЫМ*

(На материале деловых памятников XVII—XVIII вв.)

1. Единство формы и содержания в языке предполагает единство выражающего и выражаемого, связь которых закреплена исторически. Поскольку эта связь не имеет характера отражения и как выражаемому, так и выражающему свойственны относительно самостоятельные закономерности, она может нарушаться. Возникает противоречие между формой и содержанием, разрыв между ними, утрата старой формы, установление новой.

При определении специфики личных и безличных предложений необходимо учитывать выражаемое и выражающее, а также связь между ними, единство и возможное противоречие. Реально действующее лицо (*ученик пишет, ребенок играет, дерево растет*) может оказаться субъектом мысли в процессе восприятия действительности и подлежащим в речевой практике. Отсюда возможность совпадения реально действующего лица и субъекта мысли, выражаемого подлежащим. Однако предметом мысли могут оказаться лицо и предмет, реально не действующие, а подвергающиеся воздействию, и тогда возникает противоречие: субъект мысли, выраженный подлежащим, оказывается объектом действительного мира (страдательная конструкция).

Возможны и такие случаи, когда реально действующий субъект оказывается произвольным исполнителем действия, что отражается в мысли и находит выражение в языке в виде косвенного дополнения со значением субъекта (*ему не спится*).

Благодаря тому, что выражаемое и выражающее не имеют в языке связи типа непосредственного отражения и получают относительную самостоятельность, в предложении может утрачиваться связь субъекта с подлежащим, отсюда наблюдается отсутствие подлежащего при наличии субъекта, сохранение подлежащего при устранении субъекта и др.

2. Разрыв формы и содержания служит основанием для образования переходных от личных к безличным предложений, которые неоднократно отмечались исследователями. Так, А. А. Потебня говорит о развитии бессубъектных предложений за счет субъектных с местоименным подлежащим среднего рода, получившим безличное значение.¹ В. В. Бабайцева анализирует различные виды предложений с местоимением *всё* в качестве

* V. I. Sobinnikova zaslala referát předem, ale symposia se nemohla zúčastnit. (Pozn. red.)

¹ А. А. Потебня, *Из записок по русской грамматике*, т. IV, М.—Л., 1941, стр. 203 до 204.

подлежащего и указывает, что в предложении может „происходить выветривание местоименного значения у слова *всё*, которое приобретает значение усилительной частицы с обобщающим значением, хотя и выполняет роль подлежащего“.² В таких предложениях „слова на *-о* обозначают состояние, а не признак и являются словами категории состояния“: *В крепости всё было спокойно и темно* (А. Пушкин, Капитанская дочка) (там же). Предложения с формальным подлежащим *то* отмечают исследователи в чешском языке (они возникли на месте односоставных): *zabílo ho to, v kamnech to hučí* apod.³

Указанные моменты мы учитываем при рассмотрении привлекаемого нами фактического материала.

3. В настоящем докладе мы остановимся на безличных и переходных к безличным предложениях со страдательным причастием, используя материалы воронежских рукописей XVII—XVIII вв.

Страдательные причастия в безличной функции отмечены нами от переходных глаголов. Личная конструкция в предложениях со страдательным причастием предполагает наличие подлежащего со значением объекта (пассивный субъект мысли). Отсутствие подлежащего указывает (если предложение не является неполным) на безличный характер конструкции. Однако в таком случае переходный глагол требует дополнения его соответствующим объектом, место которого в личной конструкции занимает подлежащее. В некоторых случаях при отсутствии винительного прямого объекта находим выполняющие функцию объекта предложно-падежные формы, обозначающие делиберативный объект, объект на который распространяется действие. Они как бы совмещают наряду со своей основной функцией функцию прямого объекта: *а по осмотру на немъ Самойла Лыкову бою по спине и по рукам бита* (в грамотах отражено аканье) *во многих местах да синева бока и кровь замерла* (фонд 182, оп. 2, № 153, л. 14) — *спина и руки биты; и на Волукию к вышепомянутому полковнику из Белогорода о всем том писано ж* (фонд 182, оп. 1, № 80, л. 15) и др.

Безличный характер конструкции предполагает переход ее из пассивной в активную. Это доказывается возможностью употребления при страдательном причастии винительного падежа прямого объекта, который отмечен исследователями в русском литературном языке и говорах,⁴ а также употребляется в других славянских языках.

В наших материалах мы отметили случаи, когда при безличном причастии употребляется существительное мужского рода, в котором именительный и винительный морфологически не различаются (может быть, это было одной из причин переосознания именительного как винительного): *да не выслано приставу указ* (фонд 182, оп. 2, № 9, л. 5).

На утрату страдательного значения конструкцией с винительным падежом обращал внимание С. Д. Никифоров, который писал: „В памят-

² В. В. Бабайцева. *Предложения с местоимением ВСЕ и сказуемым-словом на -О*, „Ученые записки Кабардино-Балкарского госуниверситета, вып. 4, 1958, стр. 363.

³ См.: Arnošt Lamprecht, Dušan Šlosar, Jaroslav Bauer, *Vývoj mluvnického systému českého jazyka*, Učební texty vysokých škol, Praha 1965, s. 203.

⁴ См.: В. А. Матвеевко. *Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота в русских говорах*, „Материалы и исследования по русской диалектологии“, вып. II, АН, 1961.

никах, отражающих севернорусские говоры, а также московскую речь, при таких безличных предикатах объект действия имеет форму винительного падежа; в таких конструкциях причастия по существу теряют свою „страдательность“.⁵ Применительно к польскому языку исследователи также подчеркивают активный характер данной конструкции: Так, Halina Kopieczna, анализируя безличные страдательные причастия на *-no*, *-to* в польском языке, указывает, что они получили активное значение под воздействием причастий на *-tę*, *-ta*, *-to* с XIV века.⁶ Активное значение рассматриваемых предложений подчеркивают и другие авторы. Отметим: „... forma na *-no*, *-to* w języku polskim utraciła zdolność tworzenia strony biernej, jej funkcją zasadniczą stała się funkcja *verbum finitum* strony czynnej nie wymagającego podmiotu“.⁷

С нашей точки зрения, нет оснований усматривать в этих конструкциях „скрытое“ подлежащее, которым являются форманты *-no*, *-to*, как это делает Anna Wierzbicka. Такое же „скрытое“ подлежащее она находит и в форманте *się*.⁸ Полагаем, что обнаружение „скрытого“ подлежащего там, где его нет, связано с перенесением закономерностей одной конструкции на другую. Место подлежащего, являющегося объектом, занято винительным падежом, а причастие получило безличный активный характер. Кстати, С. Д. Никифоровым приводятся любопытные примеры из русских говоров, в которых наблюдаются форманты *-no*, *-to* и *-сь*, следовательно, с двойным „podmiotem“: *У него уж три года как жененось* (Карело-Финская ССР) (там же, стр. 323).

4. Происхождение и сущность конструкций с безличным страдательным причастием делают более ясными при сопоставлении их с конструкциями, имеющими нарушенное согласование. С нашей точки зрения, предложения с винительным падежом генетически связаны с предложениями, соответственно имеющими именительный падеж и несогласуемое причастие: *рука ранено*. Последние различно объясняются исследователями. А. А. Шахматов (а также А. М. Пешковский, В. И. Борковский, Т. П. Ломтев) объясняет предложения с несогласованными причастиями страдательного залога контаминацией личных и безличных оборотов.⁹ Согласно мнению М. А. Соколовой, средний род сначала мыслился при обобщающем слове *всё*, заключающем перечисление, и сохранился при отсутствии такого слова.

Опущение местоимения *всё*, видимо, могло сыграть роль, хотя оно не обязательно должно было заключать группу однородных членов (см. выше о точке зрения А. А. Потебни и др.). Однако в страдательной конструкции с нашей точки зрения, решающую роль играло противоречие между формой подлежащего и содержанием объекта. Совпадение в мужском роде именительного и винительного и совпадение значения привело к тому, что форма именительного стала восприниматься как форма винительного падежа,

⁵ См.: С. Д. Никифоров, *Глагол*, М., 1952, стр. 320.

⁶ „Poradnik językowy“, Listopad, 1956, Zeszyt 9 (144).

⁷ Andrzej Maria Lewicki, *Geneza struktur typu „Podano herbatę“* „Poradnik językowy“, N5, Warszawa, 1966, s. 207.

⁸ Anna Wierzbicka, *Czy istnieją zdania bezpodmiotowe*, „Język polski“, XLVI, 3, 1966, s. 184—186.

⁹ А. А. Шахматов: *Синтаксис русского языка*, Л., 1941, стр. 135.

что привело к разрыву в согласовании. Разрыв в согласовании распространился и на конструкции с существительными женского рода на *-а*, которые получили объектное значение и функцию дополнения, сохранив еще форму на *-а*. Эти конструкции можно рассматривать как переходные в чисто формальном отношении: семантически и функционально форма на *-а*, уже объект. В дальнейшем и форма на *-а* заменяется формой на *-у* винительного падежа. Так, личная пассивная конструкция изменилась в безличную активную.

В привлекаемом нами материале наблюдаются примеры конструкции с нарушенным согласованием и формой именительного падежа: *А по осмотру на немъ Петрушки кузнецу бою спина и брюха и руки бито до крови* (фонд 182, оп. 2, № 153, л. 9). *Да в томъ же маломъ городке середъ стены срублено вновь башня и покрыта тесомъ* (Материалы губернского статистического комитета, книга 1, Воронеж, 1887, стр. 228 и др.).

Примечание: Конечно, если бы отсутствовали примеры с нарушенным согласованием при мужском роде существительных, а также при множественном числе, то в акающих говорах *башня срублено* можно было бы объяснить как результат антиаканья в орфографии.

5. При страдательном причастии с отрицанием, как и при спрягаемой форме глагола, употребляется родительный падеж, что свидетельствует о безличном характере конструкции и о переходе подлежащего объекта в объект — дополнение: *А в томъ наличномъ списку имен ихъ не написано* (фонд 182, оп. 1, № 80, л. 11).

Как переходный тип конструкции рассматриваем предложения с родительным падежом при количественном слове. Родительный падеж в этом случае может иметь значение объекта, зависящего от причастия, количественное же слово обособляется, становясь количественным определителем, который родительным падежом не управляет: *да монастырского сена сезено полскирда* (фонд 182, оп. 2, № 160, л. 12).

6. С причастиями, образованными от переходных глаголов, образуется еще один вид конструкции, который мы рассматриваем как промежуточный между личными и безличными. Это предложения с *писано* — *подписано* — *написано*, имеющие при себе придаточную часть, заменяющую подлежащее: *писано из Белгорода к тебе на Воронеж чтоб ты высмал* (фонд 182, оп. 1, № 68, л. 10).

В деловых документах при *писано*, *написано* и т. п. приводится содержание целого документа: *В Саколомъ написано указали они* (фонд 182, оп. 2, № 328, л. 7).

Данную конструкцию мы считаем промежуточной в связи с тем, что функцию подлежащего здесь выполняет новая предикативная единица, выходящая за рамки данной предикативной единицы. Вместе с тем без восполнения новой предикативной единицей, выполняющей функцию подлежащего, данная предикативная единица оказывается недостаточной. Такого рода конструкции получили устойчивое употребление, поэтому они не могут быть названы переходными и имеют свою специфику.

7. Под воздействием страдательных причастий от переходных глаголов образуются безличные страдательные причастия от непереходных глаголов. Так как при непереходных глаголах исключается возможность употребления винительного прямого объекта, а следовательно, его эквивалента

в страдательной конструкции — пассивного подлежащего, то конструкции с переходными страдательными причастиями, как правило, безличны. В наших материалах распространена конструкция с причастием *велено*, в которую входит объектный инфинитив: *И велено им тех ратных людей вести с собою* (фонд 182, оп. 1, № 68, л. 9).

8. В рассмотренных нами предложениях со страдательными причастиями отсутствует творительный действующего лица (или другая специализированная в этой функции форма), что также ослабляет страдательное значение конструкции. Однако в некоторых контекстах есть указание на источник или лицо, побуждающее к действию: *по указу великихъ государей и по грамоте из розряду велено мне жалованя послать ...* (фонд 182, оп. 1, № 68, л. 10).

Отмечена конструкция с родительным падежом и предлогом *У*: *билъ челомъ ... онъ Семень, что тех досыкъ у него изготовлено и в плоты сплочено* (Дело Митрофания, л. 15, об.), однако он не имеет четко выраженной функции действующего лица и указывает также на место, где совершается действие.

9. Особо остановимся на конструкции с безличным связочным инфинитивом, при котором выступает краткое страдательное причастие: *... чтоб мне холопу вашему от них Юря Брюшкова с товарищи битю не быть* (фонд 182, оп. 2, № 153, л. 11).

В такой конструкции дательный страдательного причастия согласуется с дательным косвенного субъекта. Все три члена являются обязательными: *холопу—битю—не быть*. Однако здесь есть указание и на активного деятеля в виде родительного падежа с предлогом *от*: *от нихъ*. Таким образом, конструкция четырехчленна. Причастие в этом случае сохраняет свое страдательное значение, а безличный характер конструкции определяется функцией инфинитива-связки.

10. Итак, безличные предложения пополняются за счет конструкций со страдательными причастиями прошедшего времени. Страдательные причастия, образованные от переходных глаголов, вместе с приобретением безличного характера теряют пассивное значение, получают возможность управлять винительным падежом и др. формами и усваивают активное значение.

Переходными от личных к безличным являются конструкции с нарушенным согласованием, а также с родительным объекта, оторвавшегося от количественного слова, ставшего количественным определителем. Специфическими следует признать такие, в которых функцию подлежащего выполняют предикативные единицы (придаточное с союзом *что*, бессоюзное предложение или целый контекст), стоящие за пределами данной предикативной единицы.

Конструкции со страдательными причастиями, образованными от переходных глаголов, безличны.

